

Виктор Точинов

Не стреляйте в демонов моря

Виктор Павлович Точинов
Не стреляйте в демонов моря
Серия «Темные игры – 2»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157295

Аннотация

Воображение многих людей пленил образ белого кита Моби Дика, победа над которым олицетворяла победу над самой природой... Для Сергея Викторовича Рогожкина, директора НИИ океанологии, мечта о том, чтобы заполучить в свое учреждение останки белого кита стала просто навязчивой идеей. Белого кита Рогожкин, конечно, достать смог – только ничем хорошим это все равно не закончилось...

Содержание

1. О вреде всеобщей грамотности	6
2. Хочу кита	8
3. Директорское сафари	13
4. Кораблекрушение в ванной (История, рассказанная Саввой Матвеевичем)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Точинов

Не стреляйте в демонов моря (маленький печальный триллер)

В глубине, в самом сердце океана, плывет Белый Кит.

Потоки окружают его, и все волны и воды проходят над ним. Мощь его сотрясает море – волны рождает он, а волны рождают ветер.

Имя ему – Левиафан. Служение его – быть Демоном Моря. Волны – любимые дети его; волны, что питаются людьми и кораблями.

И несется над водами шхуна неистового капитана Ахава, китобоя из Нантаккета. Капитан ее страшен и яростен, ничто и никогда не остановит его. Белого Кита он зовет Моби Диком – и поклялся убить Демона Моря.

Где-то и когда-то столкнутся они, и сила разобьется о ненависть, и мощь поглотит ярость. Разве можно убить Демона? Не вернется в Нантаккет капитан Ахав...

Так говорят романтики, так писал великий из них – Герман Мелвилл.

Скептики и практики возражают: да, бывают белые киты.

Цвет кожи такой – пигмента не хватает. Да, редки – и нелегко найти в безбрежном океане кита-альбиноса. Но бессмертный дух стихии, Демон Моря? – не смешите, любого кита можно убить. Если подойти на верный выстрел. Убить, и накачать сжатым воздухом, и отбуксировать к плавбазе, и втащить по наклонному пандусу на ее палубу, и...

Хорошо.

Можно.

Но тогда послушайте, как оно было...

1. О вреде всеобщей грамотности

Конечно, тот факт, что большинство граждан умеет читать и даже писать, сам по себе не вреден. Весь вопрос в том, что люди читают и какие из этого делают выводы.

Например, правоохранительные органы многих стран проклинали тот день и час, когда англоязычный писатель Фаулз задумал свой роман «Коллекционер».

Интересная вроде книжка и написана мастерски, да вот беда – кинулись народные массы опробовать изобретенную и подробно описанную автором методику – как добиться любимой, но равнодушной к тебе женщины: оборудовать в глухом местечке звукоизолированный подвальчик, запастись хлороформом и т.д.

В ход пошли самые разные сооружения: секретные комнаты в городских домах, подвалы, тайно выкопанные в сельских коттеджах, частные бомбоубежища, возведенные во множестве в ожидании третьей мировой. Один американский типчик, не мудрствуя, оборудовал под каземат купленную по дешевке и зарытую в землю емкость из-под горючего. Но того женщины не интересовали – заманив соседа на презентацию нового погребца, полгода с детским энтузиазмом играл в тюремщика, пока полиция штата и ФБР сбивались с ног в поисках пропавшего...

Но рекорд в этих постлитературных играх принадлежит,

конечно, нашей стране. Два индивида, выкопав под гаражом в Подмосковье многокомнатный бункер, заселили его заманенными из окрестных общаг молодыми и одинокими лимитчицами. А для самоокупаемости гаремчика заставили заниматься пошивом халатов и наволочек. Подпольный, в прямом смысле слова, кооператив приносил неплохую прибыль до самой его принудительной ликвидации. Ну и кто там говорит, что рабский труд непроизводителен? Это, граждане, смотря как поставить дело.

А все началось с книжечки в мягкой обложке...

Прежде писатели поаккуратнее были. В старые времена за подобные штучки запросто можно было сгореть на костре из собственных творений. При этом подходе у пишущей братии такой внутренний редактор развивался – любой Главлит обзавидует. Каждую свою фразу по семь раз отмеряли. Но зато и создавали шедевры. На века.

Сейчас, конечно, цензуры никакой. Писатель, что в голову пришло, то и пописывает, читатель почитывает, издатель денежку гребет...

Но это сейчас, а порожденная прочитанной книжкой история, которую я хотел рассказать, началась гораздо раньше, в незабвенное Потерянное Время – время фанфарно-звонких побед везде и во всем: в тайге и в тундре, на Земле и в Космосе, на суше и в океане... Побед, обернувшихся одним большим поражением.

2. Хочу кита

Сергей Викторович Рогожин, директор НИИ океанологии, профессор, доктор биологических наук и лауреат Государственной премии СССР, тоже, понятное дело, умел читать. И на беду себе и окружающим прочел одну интересную книжицу: «Моби Дик» называется. История белого кита, сиречь Демона Моря.

Причем прочитал он ее даже дважды. Первый раз – в школе, когда будущий лауреат и профессор учился в шестом классе и жутко обижался на кличку Рожа-Рогожа. Книжка вышла в серии «Мир приключений», и Рогожа, весьма уважавший приключения вкупе с детективами и фантастикой, цепко ухватил ее с библиотечной полки.

Но неведомый автор с нерусской фамилией Мелвилл грубо насмеялся над чистой тягой юноши к знаниям: приключений в объемистом томе оказалось мало. Зато нашлось много философских сентенций и рассуждений, лирических отступлений, аллюзий и намеков на вещи, о которых Рожа-Рогожа не слыхивал. Всю эту словесную дребедень он пролистывал не читая, пока не убедился, что книжка приближается к концу, а вожаделенные приключения всё не начинаются. Возвращавший роман в библиотеку Рогожа был крепко обижен на Германа Мелвилла...

Второй раз «Моби Дик» попался в руки Сергея Викторо-

вича пятнадцать лет спустя, когда свежее испеченным кандидатом биологических наук участвовал он в экспедиции на НИС¹ «Звезда».

Ах, что это было за время!

Ветер романтики шестидесятых годов развеивал густую еще шевелюру Сержа, все казалось по плечу, все задачи были решаемы и все проблемы преодолимы, а полное и окончательное счастье виделось совсем рядом, буквально в двух кабельтовых к норд-весту...

Молодой ученый выглядел тогда как живая иллюстрация к балладам Визбора: шкиперская бородка, толстый свитер со стоячим воротником, прокуренная трубка и потертая гитара с набором р-романтических песен.

Мечтатель и идеалист, он принимал даже неистребимое тресковое амбре «Звезды» (в девичестве рыболовецкого траулера) за аромат дальних странствий и неизвестных берегов. И, конечно, будущий открыватель великих тайн океана во втором знакомстве воспринял философию Мелвилла уже совсем по-другому – как отражение своих, любовно выношенных мыслей о себе и окружающем мире.

Белый кит отныне стал для него средоточием тупой и хаотичной Природы, могучей и бессмысленной одновременно. И Сергей дал клятву, как Герцен на Воробьевых горах: пронзать гарпуном научного познания эту стихийную и опасную силу, до полного ее покорения в интересах грядущего все-

---

¹ НИС – научно-исследовательское судно.

общего счастья.

Время шло. Романтический настрой испарялся, как талые лужи оттепели. Идеалы тускнели. Но мысль загарпунить Белого Кита, уже не символ агрессивных природных сил, а вполне реальное животное, глубоко засела в мозгу делавшего стремительную карьеру океанолога.

Превратилась в своего рода навязчивую идею. Разные бывают у людей мании. Эта, прямо скажем, еще относительно безобидная.

* * *

Сергей Викторович Рогожин, профессор, доктор и т.д. (см. выше) ликовал. И основания тому имелись.

Вчера украсился последней разрешающей подписью проект строительства нового здания НИИ. И Сергей Викторович, развернув на необъятном директорском столе большой, сорок восьмого формата, лист, снова и снова любовался грядущим общим видом своего любимого детища.

Он ведь во многом был соавтором готовившей проект группы архитекторов. Более того, считал себя главным творцом развернувшейся на листе красоты. Наследники Воронихина и Растрелли казались Рогожину всего лишь мелкими техническими исполнителями его дерзновенных фантазий.

Особую гордость директора вызывал громадный холл-вестибюль грядущего дворца науки. Сергей Викторович стро-

ил глобальные планы относительно огромного зала, украшенного на эскизе колоннами и зимним садом. Он хотел разместить там кита. Здоровенный костяк кита, на зависть питерскому Зоологическому музею.

Причем – кита белого.

Конечно, по скелету масть этой громадины не больно и угадаешь. Но такое упущение должно было возмещаться наличием в том же зале большой, три на десять, картины. Или мозаичного панно – с техникой исполнения шедевра Рогожин еще не определился. Художественное произведение изображало бы охоту на огромного, разъяренного Моби Дика. Белое чудовище, по замыслу профессора и лауреата, дробит гигантскими челюстями китобойный вельбот с вопящими от ужаса людьми. Чуть поодаль виднеются среди волн обломки другой лодки и головы тонущих неудачников. А на переднем плане гордый мускулистый китобой на носу третьего вельбота заносит над головой смертоносный гарпун. И так заносит, что любому ясно – настал для кита-убийцы судный час. Что там Делакруа с его львами...

Китобой, между прочим, предполагался несколько похожим на самого Сергея Викторовича. Не на нынешнего, полысевшего и растолстевшего, но на того, молодого, энергичного парня с НИС «Звезда».

А вечерами, по приезду важных гостей или после удачных защит, зал превращался бы в небольшой приватный ресторанчик под неформальным названием «Чрево кита». В меч-

тах Рогожину уже виделись крахмальные скатерти на составленных буквой «П» меж гигантских ребер столиках; столовские работницы в белоснежных передниках и наколках, подающие разные вкусные вещи; и венчающий вечер десерт – огромный торт в виде обмазанного белым кремом кита. Рогожин очень любил вкусную и здоровую пищу.

...Оторвавшись от приятных размышлений, директор с сожалением свернул эскиз и вызвал секретаршу – диктовать приказ об отбытии собственной персоны на Дальний Восток.

3. Директорское сафари

На Тихоокеанской китобойной флотилии институт океанологии и лично его директора любили и жаловали.

Ведь именно контора Рогожина производила учет китового поголовья и принимала прямое участие в определении норм добычи, в свою очередь напрямую связанных с зарплатой китобоев. Посланцев института принимали самым радужным образом, в лучших традициях дальневосточного гостеприимства. Для желающих выйти в море на судах флотилии с какими-либо научными целями тоже всегда находились места с вполне комфортабельными условиями – по меркам китобойного судна, естественно.

Океанологи с трудом тащили по возвращении редкие деликатесы и деликатесные редкости – от икры и крабов до совсем уж экзотичных маринованных осьминогов по-китайски. Понятное дело, квоты на добычу никогда не подводили чаяний гостеприимных хозяев. Рука руку моет, как выразился однажды светлейший князь Потемкин, получив от благодарной императрицы чуть не миллион десятин чернозема в свежезавоеванной Тавриде.

А считать китов можно всяко, у них номера на спинах не проставлены. И плавают туда-сюда совершенно бестолково – глупые, одним словом, животные.

Кстати, всеобщее убеждение о разумности китообразных

произошло в основном от их внешнего вида. И мало соответствует действительности.

У дельфинов, одно время произведенных чуть не в братья по разуму, за высоким сократовским лбом мозгов, извините, нет. Там у них огромный жировой пузырь – орган ориентировки и равновесия. Сам мозг значительно дальше, и из себя совсем даже небольшой относительно размеров тела. Мало-развитый. А что они в бассейнах через обруч прыгают – так с голодухи за ставридку и не такое покажешь...

Прочим представители их семейства, китам с косатками, отсутствие излишних извилин тоже плавать не мешает.

А подлинные интеллектуалы моря, как доподлинно известно океанологам, – крупные осьминоги, порой даже использующие примитивные орудия для извлечения моллюсков из раковин. В одной из своих ранних работ Рогожин особо подчеркивал, как эти головоногие подтверждают мысль Энгельса о глубокой связи в развитии мозга и конечностей. Правда, на партбюро его по-товарищески покритиковали. Объяснили, что Энгельс никак не мог иметь в виду щупальца подобных скользких и классово чуждых тварей.

...На китовое сафари Сергей Викторович отправился, бросив родной институт без малейших угрызений совести. Надо было спешить. Хотя строительство нового здания не подошло даже к нулевому циклу, о ките следовало позаботиться заранее. Имелась причина.

Продажные западные политики, подстрекаемые движе-

ниями набирающих силу «зеленых», все чаще ставили во всех международных организациях вопрос о запрете китового промысла. О полном запрете – по крайней мере до конца века. Нудили о восстановлении популяций, не принимая во внимание пятилетних планов партии и правительства.

И в самых верхах ходили слухи, что соответствующие конвенции будут-таки вскоре подписаны.

Поскольку «зеленые» не только китов охраняют, но и весьма даже нужными делами порой занимаются – то пикетируют и блокируют вражьи военные базы, то на дурацких надувных лодочках мешают плавать опять же вражьи боевые корабли... И ссориться с этими придурковатыми «Гринписами» не с руки, а вот выступить защитниками братьев меньших от хищнического истребления международным капиталом – наоборот, политически правильно.

* * *

Знаменитый капитан Ахав был дилетантом – с современной точки зрения.

Приколотил к мачте золотой дублон, пообещав его тому из команды, кто высмотрит на горизонте белого кита. И бедные морячки неделями пялились в безбрежные морские просторы... Причем без уверенности, что в каком-либо порту этот пробитый ржавым гвоздем дублон им разменяют.

Теперь все проще.

Если уважаемая организация сообщает – для научных целей нужен кит-альбинос, то у нынешнего Моби Дика возможностей ускользнуть не больше, чем у карпа в рыбном магазине шансов спастись от сачка продавщицы.

...К делу подключили авиаразведку, при нужде могли привлечь и космическую – связи у Рогожина имелись. Но хватило и самолетов. Дважды засеченные белые объекты оказывались на деле стадами белух, но на третий раз радиограмма подтвердила: найден, дескать, недалеко от острова Кетой потребный экспонат.

Готовьте банку с формалином.

Сергей Викторович, грызший ногти от нетерпения на материке, немедленно вылетел вертолетом на китобойную плавбазу, вокруг которой как мухи вились маленькие и юркие суда-китобойцы. Командовал плавучей базой старый знакомец Рогожина...

* * *

– Эх, Серега, разве теперь киты пошли... Так, мелочь одна, – флагман-капитан китобойной флотилии Савва Матвеевич Погорин вздохнул и плеснул себе и Рогожину еще коньяка из пузатой зеленой бутылки.

Легкое волнение в предназначенной для самых почетных гостей каюте плавбазы «Уссурийск» почти не ощущалось. В углу раздавалось сладострастное постанывание и прочие

охи-вздохи – на видео крутилась гонконгская порнушка. Сергей Викторович порой поглядывал на сплетение смуглых тел, но капитан принципиально сидел к экрану спиной. Включал, похоже, заморскую игрушку только для важных визитеров.

Савва Матвеевич с сомнением посмотрел на свою стопку, плеснул коньяка еще на два булька и продолжил:

– Вот, помню в начале тридцатых мы на Командоры ходили, за сивучем. Так вода от планктона прямо зеленая и киты, ну натурально как коровы на пастбище. До сотни фонтанов за раз насчитывали. А промыслом-то китовым тогда не занимались, не было ни судов подходящих, ни пушек, ни специалистов знающих. Вот они киты, совсем рядом, здоровенные, – а не взять. Бывало, пальну от бессилия из винтовочки зверобойной в эту тушу – а он ну хоть бы дернулся... А теперь-то, конечно, не те киты пошли. Теперь, чтобы план выполнить, по всем четырем океаном мотаться приходится... Вот помню, Серега, в прошлом году в Южной Атлантике, недалеко от Фолклендов...

Тут Рогожин мягко, но настойчиво прервал старика, переводя разговор на интересующую его проблему. За минувшие пять дней он досыта наслушался историй из неистощимого запаса ветерана, начинавшихся неизменным: «Вот, помню...» Но Савва Матвеевич был непреклонен:

– Нет, Серега, всю флотилию я к Кетою гнать не могу. Нет резона. Беляк твой – одинец, других в том районе не видели.

Там и Сашка Березин на «Комсомольце» отлично справится. Через день-другой небо откроют, Сашка его возьмет, никуда он не денется... Накачает воздухом и притащит на буксире. Маринуй.

Морской волк почесал изжелта-седую бороду и снова завел о своем, наболевшем:

– Кит нынче больно мелок пошел, Серега. И вот ведь фортель какой: план нам дают в тоннах, а нормы добычи – в штуках. Как нам, грешным, с такой мелкотой план выполнять? Уходят, уходят куда-то зверюги... Говорят, в Австралии на отмели береговые постоянно выбрасываются. По сто голов, по двести... Сколько же добра пропадает... Ты бы посодествовал насчет норм, Серега? А уж мы отработаем, хоть тебе кита, хоть косатку, хоть еще какую диковинку...

Рогожин помолчал. По прибытии он постеснялся сказать старику про свое затаенное желание – самолично загарпунить белое чудо природы. И поначалу надеялся, что случай такой подвернется.

Но неведомый Саша Березин, готовый вступить в схватку с Моби Диком в ста милях к норд-осту, похоже, не оставлял Сергею Викторовичу надежд воплотить своими руками детскую мечту. Чтобы отвлечься, Рогожин стал рассказывать флагман-капитану о разрабатываемой в его институте системе. Методика была действительно интересной и обещала превратить китобойный промысел просто в китоводство.

– Понимаете, Савва Матвеевич, все очень просто: каждого

китенка метим радиобуйком. Крепление – штырек с зазубринами, – находится в жировом слое, боли кит не чувствует. И четыре раза в сутки докладывает нам о своем местоположении.

– А кто батарейки в твоём буйке-...ке менять будет? – недоверчиво поинтересовался китобой. – Опять нам, грешным, придется?

– Батареек нет. Источник тока – прямоточная турбинка. Кит плывет, энергия накапливается, раз в шесть часов разряжается через передатчик. Геостационарные спутники берут координаты, передают на компьютер. А в нём все данные на кита, вплоть до ориентировочного веса. Мелочь добывать больше не придется, наводить будем только на крупных. Надежная система должна получиться, вроде заграничного КОСПАС-САРСАТа.

– Ох уж этот КОСПАС-САРСАТ... Один знакомец мой иностранный, шкипер Роджерс, так он тот КОСПАС просто всей душой ненавидит. И есть за что. Я, говорит, лучше уж по старинке тонуть буду, отстучав SOS морзянкой. С ним через САРСАТ довольно поганая история приключилась...

4. Кораблекрушение в ванной (История, рассказанная Саввой Матвеевичем)

Мы, Серега, с этим шкипером Роджерсом сезонов пять подряд южнее Дурбана встречались. Он тоже плавбазой командовал, английской. Там поля планктонные богатейшие, китов много подходит, хватало обоим.

Чтобы из под носа друг у друга китов не стрелять, сразу договаривались: вот линия на карте, справа – твои, слева – мои. И даже соревнование с ним устраивали, социалистическое, – кто больше добудет в расчете на один китобоец. Или капиталистическое, это с какой стороны взглянуть. А приз, вместо переходящего красного знамени, – ящик виски.

Сначала лишь по рации общались, потом и в гости друг к другу ходить начали... Он по-русски только «мир, дружба, водка», но я-то на американском китобойце начинал, больше года стажировался, по-ихнему еще помню, так что общались запросто, без переводчика. (Савва Матвеевич, очевидно вспомнив подробности неформального общения, мечтательно причмокнул и плеснул еще коньяку себе и Рогожину.)

Парторг мой, правда, поначалу стойку делал, но тут пошла разрядка, разоружение и сплошные хельсинские соглашения. Брежневу, значит, в Америку можно, а мне обме-

няться опытом с зарубежным коллегой-китобоем уж и нельзя? Присмирел парторг, перестал катать телеги.

Так вот, говорит мне как-то приятель мой закордонный: мол, все, Савва Матвеевич, последний сезон охочусь, заработал пенсию, списываюсь на берег. Вот ведь они англичане – в сорок семь лет на пенсию, а?

(По тону Саввы Матвеевича Рогожин не понял, осуждает он эти буржуазные странности или наоборот.)

Его хозяева уговаривали остаться, но он уперся – двадцать пять лет отплавал, баста, хочу на берег. Ну ладно, закончили сезон, поставил Роджерс отвальную, распрощались.

Списался на берег, купил на заработанные коттедж приличный в Шотландии, на отшибе в предгорье; соседи, хоть и в трех милях, но люди хорошие; пенсия большая, живи и горя не знай. Так нет ведь, не сиделось ему что-то, не хватало чего-то. Моря ему, Серега, не хватало. Я вот ведь плавать буду, пока на медкомиссии за бутылку виски чужую кардиограмму в карточку подшить можно. Нечего мне на берегу делать, сотки-огурчики-помидорчики поздно осваивать...

Так Роджерс яхту себе купил. Решил по заливам и фиордам своей Шотландии попутешествовать. Яхта восьмиместная, не новая, но машина и оснастка в порядке, в кругосветку не пойдешь, а для шотландских заливов сгодится... Вот.

Арендовал пенсионер Роджерс место на стоянке при яхт-клубе Глазго, поставил туда посудину и пошел по толкучке прогуляться. А толкучка в порту Глазго, чтоб ты знал, Сере-

га, место совсем особое. Там на распродажах много чего из морского имущества прикупить по дешевке можно. По сроку списанного, но в дело вполне пригодного. И королевский ВМФ запасы распродает, и частные судовладельцы...

Так вот, ходит пенсионер по толкучке, кое-какие мелочи для яхты присматривает. И вдруг видит спасательный радиобуй системы КОСПАС-САРСАТ. Потертый слегка, но, продавец клянется, – вполне в рабочем состоянии. И просит за эту красоту всего пятнадцать фунтов. Роджерс подумал и купил. Фиорды и заливы – дело коварное, у берегов чаще тонут, чем в океане.

На яхт-стоянку возвращаться не стал, загрузил буй в машину, домой поехал. А дома, в коттедже, его вдруг сомнения одолели. Бэушный радиобуй это тебе не бэушный спасательный круг, проверить надо бы. Отколупнул пластинку защитную, кнопку красную надавил. Запищал буй громко, как положено, лампа наверху замигала ярко. Работает, понятное дело. Роджерс скорей питание вырубает, пока сигнал не пошел на спутник, буй в шкаф прячет, до первого путешествия. А сам отправляется принять ванну.

Но надо сказать, Серега, англичане эти люди не простые. Они вот такие вот люди... (Тут указательный палец Саввы Матвеевича описал направленную вверх спиралевидную кривую, призванную изобразить, какие люди эти англичане.) И радиобуйки у них не простые, с подвыподвертом. Их, буйки, включить легко, а потом хрен выключишь. И если источ-

ник питания вырубается, он, зараза, на запасную батарею переходит. Та послабее – мигалка со звуком отключаются. Но передатчик работать продолжает.

Так вот, плавает Роджерс в ванной, расслабляется после трудового пенсионерского дня. А буюк стоит тихо в шкафу и шлет себе сигнал. Прямо на КОСПАСовские спутники. И завертелась система. Спутники коттедж пеленгуют и быстренько гонят сообщение на Бермуды, в штаб-квартиру САРСА-Та. Там компьютер его расшифровывает, прикидывает треугольник ошибок к карте, опознает кодовый шифр буйка и выдает диспетчеру: на реке Литл-Крик, притоке Клайда, терпит бедствие грузо-пассажирское судно «Принц Уэльский», порт приписки Абердин. На борту, по данным четырехдневной давности, сто четырнадцать душ экипажа и пассажиров.

Ну, перерегистрировать буй на свою яхту Роджерс просто не успел. А Литл-Крик у него за домом действительно протекал. В основном весной протекал, летом там и хомяку, чтобы утопиться, долго бы глубину искать пришлось... Электроника, блин... Правильно, Серега, товарищ Сталин говорил в свое время: «Нэ может машина быт умнээ чэловэка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.